

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭНЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОВОЛЖЬЯ

© 2008 А.И.Королёв

Самарский государственный педагогический университет

Статья посвящена актуальным вопросам изучения энеолита лесостепного Поволжья. Рассматриваются токсские, турганикские материалы и тип керамики с внутренним "ребром". Предлагается уточнение ряда положений культурно-хронологического плана, связанных с изучением отмеченных групп. К анализу привлекаются керамические комплексы среднестоговского, репинского типов от верхнего течения р.Дон до лесостепного Заволжья. Приводятся результаты абсолютного датирования. Грант Российского гуманитарного научного фонда, проект №07 – 01 – 26105 а/В.

В последние годы появилось несколько работ, подводящих итоги изучения энеолита Волго-Уральского региона, в которых с большей или меньшей полнотой отражены представления авторов о состоянии источников и проблематике этого периода [14], [6], [20, С.54 – 55], [18, С.107 – 109], [19, С.294 – 301], [24, С.107 – 108; 26].

Представляется, что, несмотря на это, безусловно, положительное явление, нерешенным остается целый ряд вопросов, требующих более пристального внимания, привлечения новых данных. Исследователи отмечают наличие в лесостепи Среднего Поволжья нескольких линий развития в энеолитическое время. Первая представлена материалами степных культур с традицией воротничкового оформления венчиков: самарской и хвалынской. Вторая традиционно связывается с проникновением на юг лесостепи традиций лесных культур: новоильинской, гаринской, волосовской. Третья представлена материалами токсского и турганикского типов, определяющими собственно лесостепную линию развития. Сложность культурной мозаики региона дополняется комплексами алтатинского, алексеевского, репинского культурных типов, где первые два типа представляются как результат смешения признаков степного и лесного энеолита, а третий определяет предьямный и, в какой-то степени, ямный хронологический пласт. Кроме этого, интерес вызывает керамика с так называемым "внутренним ребром", вопросы культурно-хронологического определения которой еще не привлекли широкого внимания [10].

Объем настоящей статьи не позволяет уделить достаточное место всему кругу вопросов энеолитоведения региона, поэтому остановимся, прежде всего, на лесостепной линии развития, которая включает материалы токсского и турганикского типов, а также попытаемся проанализировать направление культурных связей, в результате которых возникло такое своеобразное явление, как керамика с "внутренним ребром".

Керамика токсского типа Волго-Уральского региона была определена исследователями как позднеэнеолитическая, и ее хронологическое положение сопоставляется хвалынского-среднестоговским временем [14, С.65]. К токсскому типу отнесены соответствующие керамические серии Ивановской, Турганикской, Елшанской, Вилатовской и других стоянок Волго-Уральской лесостепи [3, С.53 – 59; 14, С.64]. Характеристика этого культурного типа осуществляется по керамическому инвентарю, выделенному типологически на многослойных стоянках. Отсутствие однослойных или надежно стратифицированных памятников пока не дает возможность привлечения в этом плане каменных орудий. Отсутствие "чистых" токсских керамических серий также вызывает определенные расхождения у специалистов при отнесении к ней материалов стоянок. Так, И.Б.Васильев, Н.В.Овчинникова фиксируют наличие в керамике растительной и раковинной примеси [6, С.231; 19, С.299]. Исключительно раковинную примесь в керамике этого типа определяет Н.Л.Моргунова [14, С.64]. Керамику характеризуют сосуды высоких пропорций баночной или горшковид-

ной формы с профилированными венчиками с плоскими, приостренными и Г-образными завершениями, плоским или коническим дном [14, С.64], с наплывами и утолщениями [19, С.299]. Часть керамики определяется как плоскодонная [15, С.64; 3, С.53; 6, С.231]. Исследователи отмечают ямчатый и широкие зубчатые штампы различной длины, "шагающую" гребенку [16, С.122], крупнозубчатые широкие штампы, аммонит, "гусенички", насечки. Некоторые сосуды имеют под венчиком пояски глубоких ямок. Орнамент нередко наносился на срез венчика, а иногда и на его внутреннюю поверхность. Мотивы орнамента несложные: горизонтальные ряды штампа, зигзаг, горизонтальные полосы штампа и их сочетания. Выделены и единичные мотивы: лопасти, "шагающая" гребенка [3, С.53]. Н.В.Овчинникова отмечает широкий крупнозубчатый штамп и отпечатки различных форм, не конкретизируя эти формы [19, С.299].

Облик керамики, объединенной в токский тип, обладает заметным синкретизмом. Не случайно, исследователи для иллюстрации комплексов нередко использовали одни и те же фрагменты керамики, определяя их, как токские, турганикские и, в некоторых случаях, волосовские [4, С. 121, табл.36: 1 – 5,9; 3, С. 56, рис.3: 4, С.61, рис.5: 3, 4, 9; 14, С. 159, рис.63: 1, 3, 11; 13, С. 130, рис.12: 3]. Обращает на себя внимание большое разнообразие форм венчиков керамики отнесенной к токскому типу, среди которых есть прикрытые, прямые без утолщений и утолщенные, слабо отогнутые, резко профилированные, с внутренним желобком, Г-образные, близкие Г-образным, воротничковые [3, С. 54 – 56, рис.1 – 3]. Не случайно, один из резко профилированных сосудов с Виловатовской стоянки, первоначально связанный с керамикой волосовско-турбинского типа [5, С.172], впоследствии был отнесен к турганикскому типу [6, С. 263, рис.2:5]. Отметим также, что часть керамики с ямочно-жемчужными поясками под венчиком отнесенной к токскому типу [3, С.54, рис.1: 1, 2, 5 – 7; 6, С.264, рис.24:1] имеет достаточно отчетливые неолитические признаки, отмеченные уже при публикации материалов Виловатовской стоянки [5, С. 165, С.166, рис.8:8, С.169, рис.11:4]. Некоторые общие черты

обнаруживаются между токской и ивановской керамикой. Это обстоятельство, наряду с совместным залеганием этих двух типов керамики на поселениях, дало Н.Л.Моргуновой основание для их объединения в обобщенный ивановско-токский тип [16, С. 122 – 123; 14, С. 64 – 65], что вызвало возражения специалистов. Анализируя особенности токской керамики И.Б.Васильев отметил ее большее сходство с гаринской посудой и меньшее с волосовской: "Токские памятники принадлежат в восточному крылу волосовско-гаринской области и составляют в рамках ее еще одну культурную группу" [3, С.58]. При этом, И.Б.Васильев, намечая территорию, где происходило формирование токской культурной традиции, не нашел достаточных оснований для внешнего импульса, из-за пределов лесостепного Поволжья и предположил местную неолитическую подоснову [3, С.67]. Н.Л.Моргунова высказывает мнение о токском типе как на продолжение линии развития безворотничковой посуды Съезжинского могильника, которая вместе с ивановской керамикой представляет второй этап самарской культуры [13, С.122; 14, С.64]. Определяя время существования токских материалов второй половиной IV – началом III тыс. до н.э., исследовательница, разделяя мнение И.Б.Васильева, допускает возможность формирования волосовских признаков в лесостепи и дальнейшее их распространение в лесной зоне [14, С. 79 – 80].

Таким образом, уточнение характеристик токской керамики имеет важное значение как для выявления содержательной стороны собственно лесостепной линии развития, так и для определения возможного участия материалов токского типа в формировании культуроопределяющих признаков лесного энеолита.

Представляется уместным при исследовании данного круга вопросов привлечь довольно значительный керамический комплекс третьей группы, полученный с поселения Чекалино IV в 2007 году. В первую группу здесь выделена воротничковая керамика. Вторую группу составила посуда с внутренним "ребром". Керамика всех трех энеолитических групп легко различается по технико-типологическим признакам. В качестве примеси керамики третьей группы ис-

пользовалась раковина, часто крупнотолчковая и легкоопределимая визуально. Внешняя поверхность обычно заглажена. На внутренней стороне нередко расчесы крупнозубого штампа. Большую часть составляют прямые или слегка отогнутые венчики с округлым или уплощенным срезом, реже встречаются скошенные наружу и внутрь. Венчики часто имеют легкое утолщение или слегка отогнутый наружу край. Сосуды, как правило, прямостенной баночной или котловидной формы, отмечены венчики слабопрофилированных сосудов, обнаруженные днища округлые или слабовогнутые. Как правило, сосуды орнаментировались по срезу венчика, иногда с его внешней или с внутренней стороны, вследствие чего края венчиков несколько загнуты в ту или другую сторону. В орнаментации применялись гребенчатые короткие, средние и длинные, обычно довольно широкие штампы. В меньшей степени использовались ямчатые вдавления округлой, подпрямоугольной, овальной, "серповидной" формы, оттиски эпифизов костей. Еще одну разновидность орнамента составляют отпечатки перевитой веревочки, единичен сосуд, украшенный грубоватым шнуром, для получения "жучкового" орнамента видимо использовался аммонит. Наиболее распространены такие мотивы, как частые горизонтальные ряды прямо или наклонно поставленных отпечатков штампа выполненных гребенкой, веревочкой, ямчатыми вдавлениями; разреженные ряды, диагональные ряды, горизонтальные полосы, сочетания горизонтальных и диагональных рядов, горизонтальный зигзаг, сочетания горизонтальных полос и зигзага. Орнамент обычно покрывает всю внешнюю поверхность сосуда, но может быть разрежен. Есть и неорнаментированная керамика. Приведенные характеристики чекалинской посуды третьей группы показывают ее типологическое единство, которое подтверждается предварительными данными ее технологического изучения, начатого к.и.н., И.Н.Васильевой. Стратиграфические и планиграфические наблюдения над ее распространением в слое подтверждают однородность этой группы.

Аналогии чекалинской керамике есть на Чесноковской II стоянке [2, С.79 – 81, рис.5: 1 – 7; 6: 1 – 4], на стоянке Большая Ра-

ковка II, где выделена керамика с признаками токской, волосовской, гаринско-борской и новоильинской культур [1, С.113 – 116, С.102 – 108, рис.6: 1 – 2, 7 – 11; 7: 1 – 8, 10: 1 – 2, 8 – 10, 13], в материалах Виловатовской стоянки [5, С.172, рис.13]. Столь же близкие аналогии обнаруживаются и в керамике пятой группы Ивановской стоянки [13, С.110 – 111, 113, рис.6]. Подобная керамика была получена в разные годы на Максимовской, Старо-Елшанских, Турганинской и других стоянках Волго-Уральского региона. Как видим, именно на этих материалах стоянок и был выделен токсский тип керамики.

Цепь аналогий продолжается и в северных районах лесостепи. Прямое сходство следует отметить в керамике стоянок Бачки-Тау II и Бачки-Тау на месте могильника. Для которой отмечены растительные примеси "выщерблены и пустоты на месте сгоревших примесей", небольшая толщина стенок, разреженный орнамент. Среди сосудов есть котловидные, прямостенные и слабо профилированные. Отмечены гофрированные венчики. Орнамент выполнялся гребенкой, полулунными штампами, полый костью, орнаментиром, оставляющим отпечатки в виде "гусеничек". Основные признаки посуды: профилировка, мотивы орнамента: горизонтальные ряды оттисков штампа, диагональные ряды, горизонтальный зигзаг, горизонтальные полосы полностью повторяют характерные черты керамики третьей группы поселения Чекалино IV [17, С.162 – 163, рис.4: 1 – 2, 5: 1 – 2,6, 6: 1 – 5]. Близкая керамика с примесью раковины, гребенчатым, веревочным, ямчатым и "жучковым" орнаментом содержится в безворотничковых материалах Муллино [12, С.246, табл.103: 2, 5, 7, С.249, табл.106: 1 – 4; С.250, табл.107: 2, 13, 14, С.254, табл.112:1]. Столь же явные аналогии есть и в посуде Кусимовской стоянки [12, С.169, табл. 60 – 61:5, 9, 10, 16, 21, 24]. Совпадений довольно много в мотивах горизонтальных рядов, полос, зигзага и их сочетаниях. Сближают наши материалы с приведенными аналогиями также прямые и слабопрофилированные формы венчиков, округлые, часто орнаментированные днища.

Но следует отметить и различия. Керамика Чекалино IV представляется более однообразной по формам венчиков и днищ,

здесь не представлена плоскодонная посуда, отмеченная в токсских материалах, не типичны округлые стенки сосудов. Не использовались короткие узкие гребенчатые штампы. Ямчатые штампы довольно разнообразны и в орнаментации выполняют самостоятельную роль, нет треугольных вдавлений. Почти полностью отсутствует геометризм в построении орнамента. Сопоставляя чекалинскую керамику с токсской, следует подчеркнуть, что чекалинская не имеет общих признаков с посудой самарской культуры и ее ивановского этапа в частности. Таким образом, отнесение всего третьего комплекса керамики Чекалино IV к материалам токсского типа проблематично. Возможно, эта проблема будет сниматься по мере уточнения культуроопределяющих черт токсской керамики и выделения из нее отдельных групп. Не менее проблематичной стала попытка выявления сходного комплекса признаков в материалах лесных культур энеолита. Отдельные сходные черты обнаруживаются в составе примеси, формах венчиков и днищ, элементах и мотивах орнамента, но полноценные аналогии в посуде новоильинской, гаринской и волосовской культур подобрать не удалось. Столь же безуспешными оказались результаты сопоставления чекалинской и волосовской серий гундоровского поселения. Различия имеют принципиальное свойство и касаются всей суммы культуроопределяющих признаков.

Непосредственно по фрагментам керамики были получены первые радиоуглеродные даты $K_1 - 14571 / 5840^{±90}$ BP и $K_1 - 14574 / 5240^{±80}$ BP. Вторая дата, как представляется, более точно отражает стратиграфические и технико-типологические характеристики данной керамики и позволяет наметить ее хронологию в предварительном плане в пределах последней четверти IV тыс. до н.э. Столь раннее определение позволяет вернуться к предположению, высказанному И.Б.Васильевым и Н.Л.Моргуновой, о возможном формировании ряда признаков культур лесного энеолита в лесостепной полосе и связать их с рассмотренным чекалинским комплексом. Продвижение на восток и северо-восток наших материалов маркируется отмеченными аналогиями, круг которых

можно продолжить в источниках лесного энеолита.

Представляется, что новые материалы Чекалинской стоянки позволяют конкретизировать направление и характер культурных связей в позднем энеолите лесостепной полосы Волго-Уралья. Таким образом, подтверждается точка зрения И.Б.Васильева и А.Т.Синюка о значительной самостоятельности лесостепной линии развития в эпоху энеолита, отличающейся и от лесного и от степного путей [7, С.73].

Переходя к рассмотрению вопросов, связанных с материалами турганикского типа и керамикой с внутренним "ребром", остановимся кратко на некоторых аспектах изучения последних. Второй круг памятников, определяющих лесостепную линию развития энеолита, был объединен исследователями в турганикский тип [4; 3, С.59 – 63; 16, С.133 – 134). В примеси турганикской керамики содержится раковина, внешняя поверхность фрагментов тщательно заглажена. Сосуды имеют прямостенную или профилированную горшковидную форму. Венчики с плоским, округлым срезом, есть приостренные, обычно резко отделены от округлого тулова. Днища округлые, уплощенные и плоские. Орнамент плотно покрывает поверхность сосудов, часто – срез венчика, иногда и его внутреннюю поверхность. Преобладающий элемент орнамента гребенчатый, в качестве разделителя орнаментальных зон использовались насечки или ямки. Гребенчатый штамп, как правило, крупный с широкими зубцами. Орнаментальные узоры: горизонтальные ряды отисков штампа, горизонтальный зигзаг, вертикальный зигзаг, горизонтальные полосы штампа, заштрихованные треугольники, чередующиеся ряды длинного и короткого штампа [3, С.59; 4, С.52; 16, С.133]. Основные материалы были получены в бассейне р.Самары [4, С. 51 – 52; 14, С.76]. Наиболее крупная коллекция такой керамики примерно от 170 сосудов была выявлена на Ивановской стоянке. Небольшие серии подобных фрагментов были выделены и на ряде стоянок р.Сок [6, С.230, С.263, рис.23: 6 – 8]. Турганикская керамика, как и токская, оставляет впечатление синкретизма. Это, на наш взгляд, объясняет отмеченные

выше сложности при отнесении части керамики к тому или другому типу.

В происхождении турганикского типа весомым компонентом признаются материалы ивановского этапа самарской культуры, но учитывается и западная линия синхронизации, выразившаяся, прежде всего, в применении раковинной примеси, появлении сходной профилировки сосудов, широком использовании гребенчатого орнамента. Отмечены некоторые параллели в материалах репинского типа и среднего слоя Михайловского поселения [14, С.77 – 78]. Близость, по крайней мере стадиальную с материалами Михайловского поселения, отмечает и И.Б.Васильев. Но, принимая во внимание близкие с суртандинскими материалами черты, считает возможным отнести турганикский тип к восточному кругу энеолитических памятников [4, С.53 – 54; 3, С.62 – 63]. В качестве турганикского комплекса к западу от р.Самары рассматривалась и часть керамической коллекции Гундоровского поселения, объединяющая резко профилированные сосуды с примесью раковины [6, С.230, С.263, рис. 23: 6 – 8]. Дальнейшее изучение этой группы керамики показало их достаточно серьезные различия с собственно турганикскими материалами [10].

Представляется, что некоторые особенности культурогенеза лесостепных районов Поволжья, связанные с посудой турганикского типа и керамикой с внутренним "ребром", в настоящее время можно конкретизировать.

Наиболее крупные коллекции керамики с внутренним "ребром" выделены на Гундоровской и Чекалинской IV стоянках. Она обладает следующими характеристиками: фрагменты керамики серого цвета снаружи, черные в изломе, внутренняя и внешняя поверхности, как правило, покрыты разнонаправленными расчесами гребенчатым штампом. Сосуды, обычно, имеют крупные размеры и горшковидную форму, хотя отмечены банки, единичны чашевидные. В примеси на визуальном уровне определена толченая раковина и пух птиц. Технологическое изучение керамики только начинается, но уже первые образцы, проанализированные к.и.н. Н.П.Салугиной (Гундоровка) и к.и.н. И.Н.Васильевой (Чекалино IV) показали ис-

пользование пластичного сырья, наличие раковины и большую концентрацию пуха птиц. Венчики резко отогнуты, как правило образуя "ребро" на внутренней стороне, имеют плоский срез, изредка чуть утоньшены, иногда заметно легкое утолщение, напоминающее воротничок. Реже встречается более плавная профилировка венчиков; донца, судя по профилям придонных частей, округлые и уплощенные. Основным элементом орнамента выступает короткая, узкая гребенка, подчиненную роль выполняют короткие насечки, овальные ямки, прочерченные линии. Орнамент часто покрывает верхнюю часть посуды и представлен горизонтальными рядами короткого гребенчатого штампа и насечек, разделенными поясками мелких ямок, многорядные горизонтальные зигзаги, прочерченные полосы или пояски, заполненные треугольники, выполненные гребенкой. Орнамент часто нанесен по срезу, иногда на внутренней стороне. Венчики часто имеют отличный от тулова орнамент или не орнаментированы, что в любом случае их подчеркивает. Керамика рассматриваемой группы обладает яркими чертами, легко вычленяется из смешанных керамических коллекций.

Рассмотренные материалы находят отчетливые аналогии в резко профилированной части посуды турганинского типа Волго-Уралья. В то же время, эти признаки чекалинской и гундоровской керамики, позволяют провести круг аналогий в сериях керамики среднестоговского типа поселений Имерка VIII [9, С.155 – 166], Подлесное V, IV [25, С.19 – 20, С.28 – 30, рис.6 – 8] и некоторых других стоянок (Скачки, Ширингуши, Городок 1, Кипец). Их объединяют такие черты, как обилие в примеси толченой раковины и пуха птиц (Имерка VIII), серый или серо-коричневый цвет внешней поверхности и черный в изломе. Одним из определяющих признаков являются разнонаправленные расчесы по внешней и внутренней поверхности, которые часто имеют декоративную нагрузку. Отметим преобладание невысоких и средневысоких венчиков; резко отогнутых от тулова. Характерны приостренные и плоские срезы венчиков, в месте отгиба с внутренней стороны часто есть ребро, встречаются желобчатые формы. Орнамент выполнен преимущественно короткой узкой гребенкой,

поставленной преимущественно в горизонтальные ряды наклонных оттисков штампа; в качестве разделителей орнаментальных зон использовались прочерченные линии, мелкие вдавления и насечки. Формы днищ приостренные, округлые и вогнутые. Анализ керамики наиболее многочисленной группы, полученной с поселения Имерка VIII, уже в первой публикации позволил отметить ее связь с среднестоговской культурой [8, С.130]. Близкие аналогии, но не идентичность, отмечались как в днепровских, так и в донских материалах. Особенно большое сходство было выявлено с коллекцией Шиловского поселения в той части посуды, которая характеризуется сравнительной толстостенностью, примесью раковины, расчесами на поверхности, резко отогнутыми венчиками, орнаментацией с преобладанием гребенки [21, С.80 – 81, рис.5: 4 – 10]. Немаловажным представляется, что эта керамическая группа очень близка и керамике с внутренним "ребром". Подкреплением ранее сделанным выводам являются новые данные по среднестоговской культуре со стоянок Ямное, Дармодехинская [23]. Ряд сосудов этих стоянок обладает средневысокими приостренными или плоско срезанными венчиками, орнаментированными мелкой гребенкой по бордюрной части, с внутренней стороны, полностью соответствуя керамике Имерки VIII. Столь же близкие аналогии содержатся в материалах верхнедонских памятников Липецкое озеро [22], Ксизово VI (раскопки Р.В.Смолянинова), Большой Липяг [11], Пристань (раскопки И.А.Козмирчука, фонды Липецкого краеведческого музея). Здесь выделяется керамика с высокошейными сосудами, стянутым устьем, есть сосуды, аналогичные материалам Деревки, Среднего Стога II, Александрии, относящиеся к среднестоговской культуре в традиционном ее понимании (по работам Д.Я.Телегина, В.Н.Даниленко). Они четко документируют включение этой территории в ареал распространения среднестоговской культуры. В то же время, здесь имеется довольно толстостенная посуда с примесью раковины и пуха птиц в тесте, с заглаженной или рельефно расчесанной гребенкой поверхностью, резко отогнутыми от тулова невысокими венчиками, нередко образующим в месте отгиба

ребро. Срезы плоские, утонщенные или скошенные. Характерен орнамент, нанесенный на срез венчика иногда на его внутреннюю сторону. Под венчиком иногда нанесен ямочный пояс. По внешней стороне орнамент обычно имеет горизонтальную зональность. Представлены ряды косо или прямо поставленных оттисков, разделенных поясками ямок, насечек, иногда прочерков, диагональные ряды оттисков, сочетание этих мотивов. Приведенная характеристика во многом соответствует отмеченным выше признакам керамики с "внутренним ребром". Не касаясь проблем, связанных с разьединением среднестоговской культуры на ряд новых культур, подчеркнем еще раз генетическое родство среднестоговской керамики и керамики с "внутренним ребром".

Немаловажным представляется, что наиболее крупные, типологически близкие комплексы, выявленные на поселениях Липецкое Озеро, Большой Липяг, Имерка VIII, Чекалино IV, Гундоровка, расположены в лесостепной полосе. Эти материалы позволяют наметить в рамках лесостепной зоны северо-восточное направление среднестоговского культурного импульса, достигающего Примокшанья, верховьев Суры, Самарского Поволжья (на Гундоровском поселении есть венчики среднестоговского типа). Последовательность появления материалов, определяемых наличием "внутреннего ребра" на керамике к востоку от Верхнего Дона пока вряд ли может быть установлена. Это тема отдельного исследования.

Венчики среднестоговского типа, обнаруженные на Гундоровском поселении, относятся к высокошейным сосудам с уплощенным срезом и орнаментом по срезу и тулову в горизонтальной зональности. Для нас важным является документальное свидетельство проникновения среднестоговского населения на Среднюю Волгу. Заметим, что при исследовании Хвалынского I могильника был обнаружен резко отогнутый высокий венчик без воротничка, имеющий аналогии именно в среднестоговской керамике.

Определение временной позиции материалов с внутренним "ребром" может строиться с учетом дат, полученных по C^{14} для Чекалинского комплекса $K_i - 14572 / 5270 \pm 80$ и $K_i - 14573 / 5320 \pm 80$. Она может

быть намечена предварительно в рамках последней трети IV тыс. л. до н.э. В связи с этим уместно привести мнение А.Т.Синюка об определении части интересующей нас керамики Липецкого озера как проторепинской. Этот термин подчеркивает раннюю хронологическую позицию анализируемой керамики, мало отличающейся от среднестоговской [22, С.75]. Несомненное сходство верхнедонских материалов и средневожских позволяет их синхронизировать. Определяясь началом последней трети IV тыс до н.э., они хорошо ложатся в предьямный горизонт. Достаточно ранняя хронология этих материалов позволяет объяснить некоторое сходство Гундоровской коллекции керамики с "внутренним ребром" с воротничковой керамикой ивановского типа, выразившееся в некоторых близких элементах и мотивах орнамента, наличием воротничковых реминисценций на керамике с "ребром" и самому ребру с внутренней стороны некоторых ивановских венчиков, традицией выделять венчиковую зону особым орнаментальным мотивом.

Несомненное сходство обнаруживает керамика с внутренним "ребром" и с посудой репинской культуры. Проникновение репинской керамики в Самарское Поволжье документировано ее находками на II Большераковском, IV Лебяжинском поселениях. Основанием для такого вывода стали: раковинная примесь, толстостенность, наличие расчесов на поверхности, резко отогнутые иногда с желобком венчики, общие элементы орнамента (короткая и средняя гребенка, скобковидные, треугольные, овальные вдавления, прочерки и насечки), отступающая манера нанесения орнамента, близкие мотивы, горизонтальная зональность. Несколько иные пропорции сосудов, отсутствие жемчужного или ямочного пояса под венчиком не позволяют ставить между ними знак равенства, но не мешают признанию их культурной и хронологической близости. Черты сходства могут объясняться близкой генетической подосновой, стадильной близостью, а отличия – различными направлениями культурных связей в рамках разных ландшафтных зон.

Итак, появление керамики с внутренним "ребром" в Среднем Поволжье, судя по

современному состоянию источников, связано с распространениями на восток населения, восходящего к среднестоговской культуре. Формирование ряда признаков, определяющих облик этой группы керамики, происходило уже на территории Верхнего Подонья. В Средневожском регионе ее облик складывается окончательно при некотором участии населения оставившего воротничковую керамику ивановского типа. Не выясненными в настоящее время остаются вопросы контактов носителей изучаемой культурной традиции с населением, оставившим материалы токского типа и волосовского типа Гундоровского поселения. Они занимают одну территорию и относятся к одному хронологическому пласту. Можно предположить, что появление примеси птичьего пуха на гундоровской посуде волосовского типа является отражением этих контактов. В данном случае они носили односторонний характер, так как на керамике с внутренним "ребром" признаков каких-либо ответных заимствований не заметно. Второе предположение может объяснить распространение традиций использования раковинных примесей, пуха птиц, многих форм венчиков, элементов и мотивов орнамента, характерных для чекалинской керамики третьей группы и гундоровской волосовского типа в культурах лесного энеолита, смещением этого населения в северном направлении. Причиной такого передвижения, возможно, стало распространение в лесостепи изготовителей посуды с внутренним "ребром". Эти вопросы требуют специальной разработки.

Не останавливаясь детально на проблемах культурогенеза степной зоны, поговорим кратко еще об одной линии аналогий керамики с внутренним "ребром". Степная полоса Поволжья представлена на данном хронологическом срезе материалами алтаинского типа и несколько севернее – ивановского. Первый восходит к той же среднестоговской традиции, но ее распространение осуществлялось в рамках степной зоны, а второй продолжает хвалыинско-самарскую воротничковую линию развития.

Анализ существующих на сегодняшний день материалов показывает, что, вероятно, существовало восточное, в рамках традиционного обитания в степи, направление дви-

жения групп населения, генетически связанных со среднестоговской культурой. Под влиянием местного населения оно впитывало его черты, отразившиеся в своеобразном облике алтатинской керамики. Своеобразие ее, видимо, отражает многокомпонентность сложения и, наверное, не случайно характеристика керамики не выглядит достаточно четкой. Пожалуй, важнейшим обстоятельством, определяющим тип, здесь выступает кварцитовая индустрия при значительном разнообразии керамики. Отметим также существенно различающиеся представления авторов исследований В.В.Ставицкого [26; 27, С.91 – 103; 24, С.107 – 108] и А.И.Юдина [28; 29, С.146 – 165] о ее хронологии. Следует отметить некоторое сходство керамики с внутренним "ребром" с той частью алтатинской посуды, которая характеризуется резко отогнутыми от тулова венчиками, иногда с внутренним ребром в месте отгиба, практикой рельефного зубчатого выравнивания поверхности. Добавим к этому существенную роль в орнаментации узкой гребенкой, некоторые типичные для той и другой групп керамики мотивы орнамента, среди которых сочетание горизонтальных многорядных полос гребенки и разделителей из коротких оттисков того же штампа, наличие треугольников, горизонтального зигзага. Выявленная близость материалов является скорее отражением их происхождения от общего источника, чем результатом взаимодействия. Несмотря на обнаруженные в верховьях Суры материалы алтатинского типа [26], они в большей степени затрагивают обширные степные пространства [28], в то время как керамика с внутренним "ребром" маркирует линию развития позднего энеолита в лесостепи.

В заключение следует признать не вполне удобное название керамики с внутренним "ребром". Оно было дано, как рабочее наименование, И.Б.Васильевым и отражает очень важный, но только один из характерных признаков керамического комплекса. Ее соответствие лишь части турганикской керамики также не позволяет включить в этот культурный тип. Скорее, в результате продвижения на восток, появляются соответствующие признаки и на турганикской посуде. Напрашивается определение ее

как гундоровской, где впервые была открыта крупная коллекция, но это может привести к путанице комплексов, так как выделенные здесь материалы волосовского типа уже получили широкую известность. Возможно, определение ее как чекалинского типа окажется более удачным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Барынкин П.П., Козин Е.В.* Некоторые результаты исследований II Большеераковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // *Древности Восточно-Европейской лесостепи.* – Самара: 1991.
2. *Бахарев С.С., Овчинникова Н.В.* Чесноковская стоянка на реке Сок // *Древности Восточно-Европейской лесостепи.* Межвуз. сб. науч.тр. – Самара: 1991.
3. *Васильев И.Б.* Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья // *Энеолит лесного Урала и Поволжья.* – Ижевск: 1990.
4. *Васильев И.Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: 1981.
5. *Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // *Энеолит Восточной Европы.* – Куйбышев: 1980.
6. *Васильев И.Б., Овчинникова Н.В.* Энеолит // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.* Каменный век. – Самара: 2000.
7. *Васильев И.Б., Синюк А.Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Самара: 1985.
8. *Королев А.И.* Многослойное поселение Имерка VIII на р.Вад (предварительная публикация) // *Историко-археологические изыскания.* Науч. труды молодых ученых. Вып.1. – Самара: 1996.
9. *Королев А.И.* Среднестоговский комплекс поселения Имерка VIII // *Археология Восточно-Европейской лесостепи.* Сборник материалов. Всероссийская научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.Е.Алиховой (11 – 14 ноября 2002 года). – Пенза: 2003.
10. *Королев А.И., Овчинникова Н.В.* К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики с "внутренним ребром" с поселений Самарского Заволжья // *Тверской археологический сборник.* В печати.
11. *Левенок В.П.* Исследования в районе Липецкого моря // *АО,* 1967 г. – М.: 1968.
12. *Матюшин Г.Н.* Энеолит Южного Урала. – М.: 1982.
13. *Моргунова Н.Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // *Энеолит Восточной Европы.* – Куйбышев: 1980.
14. *Моргунова Н.Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Оренбург: 1995.
15. *Моргунова Н.Л.* Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // *Эпоха меди юга Восточной Европы.* – Куйбышев: 1984.

16. Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: 1989.
17. Обыденнов М.Ф. Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. АЭМК. Вып.3. – Йошкар-Ола: 1978.
18. Овчинникова Н.В. Итоги изучения самарской энеолитической культуры в лесостепном Поволжье // Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19 – 22 ноября 2007 г.). – Екатеринбург; Сургут: 2007.
19. Овчинникова Н.В. Итоги изучения энеолитических поселений лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск "Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии". – Самара: 2006.
20. Овчинникова Н.В. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной конференции 17 – 21 апреля 2001 года. – Оренбург: 2001.
21. Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шиловского поселения // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: 1980.
22. Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. – Липецк: 2000.
23. Скоробогатов А.М. Новые энеолитические материалы лесостепного Подонья // XL международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тезисы докладов. – Самара: 2008.
24. Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур севера и юга в неолите-раннем энеолите на территории лесостепной зоны // Археологическое изучение центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П.Левенка. – Липецк: 2006.
25. Ставицкий В.В. Екатерининское поселение бронзового века на р.Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI. – Оренбург: 2004.
26. Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне. Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Ижевск: 2006.
27. Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево 2 на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа // Археологические записки. Вып.2. – Ростов-на-Дону: 2002.
28. Юдин А.И. Культурно-исторические процессы в эпоху неолита и энеолита на территории нижнего Поволжья. Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Ижевск: 2006.
29. Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р.Торгун // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: 1989.

ACTUAL PROBLEMS OF THE NEOLITHIC OF THE FOREST-STEPPE VOLGA REGION

© 2008 A.I.Korolyov

Samara State Pedagogical University

The article covers some actual problems of studying the Eneolithic of the forest-steppe Volga region. Tok and Turganik materials and ceramics with inside rib are examined. More accurate definition of some cultural and chronological points, connected with studying of these groups, is given. Srednestog and Repin types of ceramics from the Upper Don to the forest-steppes of the Volga region are analyzed, and the results of absolute dating are given.